

Введение

Исторический процесс представляет собой постоянное чередование этапов стабильности и неустойчивости. Причем временам непостоянства и шаткости присуще распространение среди активной части населения совершенно далеких от прагматизма настроений. Так было в годы военного коммунизма, к истории которых мы внимательно присмотримся. Тогда люди шли за иллюзиями, за утопиями. Признавались исключительно идеи общественного блага. Внедрять в реальность их полагалось любой ценой — зачастую огнем и мечом. Прометеевские эмоции начинали определять душевное состояние пассионариев, за которыми в конце концов было вынуждено следовать и все общество. Их позиции непременно закреплялись теодицеей (утопической доктриной), формулировавшей алгоритм движения к мировому добру и разрабатывавшей процедуры искоренения зла.

К переломным, катастрофическим временам относится период, наступивший после Октября 1917 г. и продолжавшийся до 1921 г.

Его историки все чаще определяют понятием «смута». Талантливый ученый-аграрник В. П. Данилов называл этот этап составной частью разворачивавшейся на протяжении первой трети XX века великой крестьянской революции, итогом которой явилось катастрофическое поражение сельских тружеников. Другие исследователи считали приоритетом социальной эволюции в данное время борьбу трудящихся против праздных. Третьи ученые выдвигают на первое место противостояние Европы и Азии. Четвертые обнаруживают акцент социального развития в схватке национальной, исторической России с Мировым интернационалом¹. В любом случае никто не отвергает огромной значимости идеологически мотивированной, «прометеевской» военно-коммунистической политики большевиков как ключевого фактора нарастания смуты.

Кроме того, актуальность исследования этапа военного коммунизма возрастает в связи с тем, что тогда сформировались экономические, политические, идеологические, правовые основы порядка, просуществовавшего до 1991 г. Известный автор С. Г. Кара-Мурза отмечал, что военный коммунизм «стал частью той “матрицы”, на которой воспроизводился советский строй»².

¹ См.: Исторические исследования в России. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. С. 212–213.

² Кара-Мурза С. Г. Гражданская война. М., 2009. С. 300.

Большевицкая теодицея исходила из всеобщей и быстрой централизации управления основными сферами общественной жизни. Однако этим в период гражданской войны в России ее содержание далеко не ограничивалось. Во всех воюющих странах похожие по форме централизаторские мероприятия проводились. Отличие России состояло в том, что они осуществлялись (вопреки всякой логике) при отсутствии главного условия — организованного политического регулятора. Получается, что идеология шла далеко впереди практической целесообразности. Большевицкое «протогосударство» не имело никаких возможностей брать на себя ответственность за все общество. С жуткой неразберихой и бессмысленным растранижением народного богатства следует ассоциировать коммунистический штурм, а не с «комиссарами в пыльных шлемах». Тем более, особой потребности в штурмовщине не существовало: Россия, в отличие от ряда европейских стран, располагала настолько значительными ресурсами, что их хватило бы без всяких большевицких манипуляций надолго. Ленинская политика первых послереволюционных лет стала основным тормозом налаживания рационального распределения товаров, амуниции, продовольствия.

Глава 1

Власть

Факторы военной коммунизации общества

Военный коммунизм являет собой большой и последовательно формировавшийся, безоглядно и ускоренно внедрявшийся в конце 1917–1921 гг. в целях перехода общества к социализму комплекс мер социально-экономического, политического и идеологического характера. Термин вошел в политический лексикон с подачи революционера и ученого А. А. Богданова в начале 1920-х гг. Под ним подразумевали насильственное и форсированное уничтожение частной собственности и товарно-рыночных отношений, ликвидацию эксплуататорских классов³. Имелось в виду и всестороннее наращивание государственного руководящего начала в жизни социума.

³ См.: Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997. С. 9.

С восторгом отозвался об указанном комплексе мероприятий видный большевик Л. Н. Крицман, назвав время ускоренного проведения данных мер в жизнь «героическим периодом великой русской революции». Доктринеры такого типа (как Крицман) считали коммунизмом насильственное изъятие урожая у крестьян, внедрение полурабовладельческой трудовой повинности, всеобщее огосударствление обмена. При всем том масштабное вмешательство власти в жизнь общества и каждого его члена благословлялось наукой, «единственно верной» формационной теорией. Тотальное государственное регулирование преподносилось как естественный результат марксистски обоснованной исторической эволюции. Можно сказать, история руками коммунистов поставила масштабный эксперимент по выяснению возможности создания централизованного механизма управления обществом. Испытания на «российском полигоне» закончились неудачей. Однако полученные результаты человечество с успехом использовало, выработав процедуры сочетания свободного рынка и широкого администрирования.

К XX веку русская марксистская утопия выросла на основе продолжительной исторической революционно-ригористической традиции. Фактически Ленин и его сподвижники стали продолжателями дела Емельяна

Пугачева, в отличие от последнего сумевшими получить образование и освоить крайне привлекательную для дилетантов научную марксистскую догматику. Пугачевы с университетскими дипломами выступили мощной разрушительной силой. Принявшись за осуществление силовыми методами вековой человеческой мечты о всеобщем равенстве, они неизменно утверждали на практике одно и то же — деспотизм.

В историографии выявились четыре основных подхода к осмыслению темы предпосылок «военного коммунизма». Первый из них: военно-коммунистическая политика представлялась в значительной мере вынужденной и сугубо временной, рассчитанной исключительно на преодоление суровых обстоятельств гражданской войны⁴. Второй: «военный коммунизм» был стратегически и идеологически выверенным комплексом мероприятий по ускоренному переходу к коммунистическому производству и распределению. Третий (его придерживается большинство, но не автор данного труда): в военно-коммунистической политике сочетались и вынужденная войнами — Первой мировой и Гражданской — необходимость,

⁴ *Рощин Б. Г.* Военный коммунизм: Всеобщая трудовая повинность (идеологические и юридические аспекты). Кострома, 2011. С. 8–9.

и доктринальные основы. Наконец, некоторые ученые видят в основании изучаемой политики материальные интересы нового коммунистического чиновничьего аппарата; ими приводятся данные о росте численности бюрократов в стране в 1913–1920 гг. с 0,5 % млн до 4 млн чел.⁵ Сам В. И. Ленин в январе 1919 г. писал историку Н. А. Рожкову: «Аппарат стал уже гигантским — кое-где чрезмерным»⁶.

Автор этой работы не относит временные трудности, переживавшиеся Россией перед приходом к власти большевиков, к объективным факторам радикальной экстремизации внутреннего курса. Теодицея, доктрина, утопия определяли действительность, а не наоборот. Большевизация социальной реальности не была вынужденной трагическими обстоятельствами. Если 1917 г. — это катастрофа, то 1921 г. — это катастрофа в тысячной степени, несовместимая с существованием общества; такого быть не могло. Точка отсчета выбрана неправильно.

На практике не так уж плохо обстояли дела в стране и не обнаруживалось объективных

⁵ См.: *Булдаков В. П.* Красная смута. М., 19976. С. 21, 31; *Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики.* М., 2014. С. 119.

⁶ *Ленин В. И.* Известные документы. 1891–1922 гг. М., 2017. С. 267.

причин для перехода к леворадикальной диктатуре самого экстремистского толка. С августа 1917 г. по карточкам выдавался вот такой продовольственный паек: 1,5 фунта хлеба в день, 2,5 фунта сахара, 0,5 фунта крупы, 1,5 фунта жиров, 2 фунта мяса и т. д. в месяц. Это была сказочная норма по сравнению с послеоктябрьской действительностью. Однако большевики, развернувшие мощную информационную кампанию по выявлению изъянов в любых действиях Временного правительства, сумели сам факт введения карточек представить неопровержимым доказательством приближения голодной революции. Не только современники, но и писавшие через десятилетия историки им верили.

Воспользовавшись доверчивостью и политической наивностью граждан, демагоги и доктринеры стали правителями. Вот это стало катастрофой. Результаты работы новых правителей в юмористической форме характеризовал осенью 1920 г. один журнал, поместив объявление: «Продается изящная карманная коробочка для хранения месячного продовольственного пайка». «Достижения» советской инфляции это же периодическое издание отразило в шутовском объявлении: «Ново! Удобно! Поместительная тачка с небольшим мотором для перевозки

денег»⁷. Парадоксально, что сами большевистские деятели, поспособствовавшие разрушению экономики отечества во имя реализации доктрины всеобщего равенства, далеко не всегда в повседневной жизни следовали принципам эгалитаризма. Разъезжая по голодной России, они перевозили в своих персональных вагонах ящики вина, окорока, белую муку, всевозможные закуски. Неслучайно Л. Мартов в письме меньшевику С. Д. Щупаку «порядочно отделал» большевистских шефов Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, М. П. Томского, А. Г. Шляпникова, К. Б. Радека и др. за то, что они питались несоразмерно своим пайком. Конечно, далеко не все новые правители были фарисеями. В том же письме похвалу за скромность получили Н. И. Бухарин, Г. В. Чичерин, А. И. Балабанова⁸.

Время 1917–1921 гг. представляется целостным периодом. Его «экспериментальное» содержание определялось доктринерской направленностью практики той элиты, которая пришла к власти в ходе Октябрьского переворота. Очень откровенно по этому поводу высказался В. И. Ленин; он говорил:

⁷ См.: *Борисова Л. В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001. С. 26.

⁸ *Краус Т.* Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского переворота. Будапешт, 1997. С. 67.

«Когда решался вопрос о взятии власти, мы не сомневались, что нам придется экспериментировать, делать опыт». Примечательную фразу произнес ночью с 25 на 26 октября 1917 г. заместитель председателя Военно-революционного комитета В. А. Антонов-Овсеенко. Лично арестовав членов Временного правительства, он привел их в Петропавловскую крепость и уже здесь — разгоряченный и возбужденный — объявил свою самую заветную мечту: «Да, это будет интересный социальный опыт!» — высказался Антонов-Овсеенко о перспективе социалистического строительства⁹. Его устами говорил весь большевистский авангард.

РКП(б): синергия утопии и организации

Позиция большевистской элиты отчетливо выявлялась в ходе партийных съездов. В период Гражданской войны они представляли собой форумы единомышленников, на которых откровенно высказывались шефы российского коммунизма. На первых порах члены правящей партии придерживались

⁹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 17; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: воспоминания активных участников» Л. 1956. С. 423.

принципов демократического централизма и это поддерживало сплоченность их рядов.

Самым выразительным явился VIII съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1919 г. и проходивший в Москве, в здании Большого театра. Примечательно, что на съезде развернулись горячие дискуссии о целесообразности создания регулярной армии и привлечения в нее бывших царских офицеров, разворачивались споры о допустимости предоставления народам права на самоопределение. Делегаты сошлись на признании необходимости упрочения централизаторских начал в РКП(б). В резолюции подчеркивалось: «Все решения высшей партийной инстанции абсолютно обязательны для низших... Все конфликты разрешаются высшей инстанцией». Съезд подчеркнул привилегированное значение российской партии большевиков: «Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП(б)»¹⁰.

Хотя высшими органами оставались съезды, избиравшие Центральный комитет, однако сформировались устойчивые партийные структуры, которые в конце концов в перспективе станут диктовать коммунистическим форумам свою волю. Центральные

¹⁰ Восьмой съезд РКП(б)... С. 209–210.

парторганы обрастали чиновничьими аппаратами и начинали представлять собой вершины бюрократических «айсбергов». Речь идет о Политбюро (при военном коммунизме оно состояло из В. Ленина, Л. Троцкого, Л. Каменева, И. Сталина и Н. Крестинского), а также о созданном для рассмотрения текущих вопросов организационном бюро (оргбюро). Для надзора над центральным аппаратом партии на VIII съезде был образован работоспособный секретариат из 30 сотрудников; до съезда он формально существовал, но на деле все его функции выполнял один Я. М. Свердлов (умерший в марте 1919 г.). На первых порах секретариат представлял технический орган, затем — в 1920-е гг. — Сталин подчинил его своему влиянию, превратив в своеобразный отдел кадров партии и используя в целях утверждения личной власти¹¹.

Преждевременно говорить о полном торжестве диктаторских тенденций в большевистской корпорации в период Гражданской войны: на VIII партсъезде ленинского протеже Д. Н. Павлова подвергли публичной критике и — вопреки настоянию самого вождя — в Центральный комитет не избрали¹².

¹¹ *Такер Р.* Сталин. История и личность. М., 2006. С. 151.

¹² *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 279.

Тон еще задавала демократически ориентированная «старая гвардия». Велись споры, сталкивались принципиальные позиции, в борьбе вырабатывался компромисс. Превращение партии в послушного исполнителя воли автократа произойдет в будущем. Важной вехой на этом пути станет X съезд партии (март 1921 г.), который, с одной стороны, вынужден был признать ошибочность военно-коммунистической политики и на время отказаться от нее, а, с другой стороны, поощрил тоталитарные начала в большевистской корпорации. Остановимся на этом немного подробнее.

В 1920 г. в связи с окончанием военных действий на фронтах партийные олигархи начинали все меньше нуждаться в неудобном для них Л. Д. Троцком — энергичном и талантливом наркоме. Вместе с тем, по своим способностям значительно превосходивший большинство членов Политбюро ЦК, он держал себя крайне самоуверенно и амбициозно. Лев Давидович настроил против себя соратников, включая Ленина. Проходившая в партии в 1920 г. дискуссия о профсоюзах (по вопросу: централизовать и огосударствить их или оставить «рыхлыми» общественными структурами) столкнула сторонников Ленина и Троцкого. На деле развернулась борьба за власть. Она была настолько напряженной, что, например, в Екатеринбурге, где верх

взяли троцкисты, сторонники Ленина издавали нелегально свою литературу¹³.

В конечном счете на X съезде окончательно определилась победа Ленина, среди активных соратников которого дальновидно подвизался И. В. Сталин. На съезде ориентировавшиеся на Троцкого секретари ЦК Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков были заменены приверженцами Сталина В. М. Молотовым, Е. М. Ярославским, В. М. Михайловым. К тому же на форуме В. И. Ленин добился принятия исторической резолюции «О единстве партии», которая категорически запрещала всякую фракционную деятельность в большевистских организациях. В результате после ухода Ленина из политики И. Сталин, опираясь на свое аппаратно-бюрократическое преобладание, а также используя партийную резолюцию-директиву, сумел представить своих противников фракционерами и избавиться от них. Весной 1922 г. он становится Генеральным секретарем ЦК РКП(б) и стремительно упрочивает свои позиции. После этого от года к году все менее возможной становится демократическая альтернатива.

¹³ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. М., 2008. С. 38, 44, 67.

Вернемся в март 1919 г., на VIII съезд РКП(б), который крайне значим, поскольку подвел итоги первых полутора лет пребывания ленинцев у власти, а главное — принял новую (вторую, действовавшую до 1961 г.) Программу, четко определившую конкретные перспективы движения к коммунизму. Внимательное изучение протоколов форума позволяет выяснить, что Россия сразу после Октября 1917 г. стала рассматриваться вождями в качестве площадки, с которой большевикам предстояло стартовать к настоящему великой цели — к мировой революции. Это был абсолютный приоритет, находившийся в основе большевистской теодицеи. В своей речи создатель партии В. И. Ленин прямо заявил, что уже «в эпоху Брестского мира Советская власть поставила всемирную диктатуру пролетариата и всемирную революцию выше всяких национальных жертв, как бы тяжелы они ни были». Он указал и на мотив организаторов социального эксперимента, подчеркнув: «Мы поступали согласно тому, чему учил нас марксизм». В выступлениях делегатов отчетливо прослеживаются консолидировавшие большевистских руководителей идеи — о невозможности «существования советской республики рядом с империалистическими государствами», о «деятельности Российской коммунистической партии как одной из

ячеек Всемирной коммунистической партии», о построении «в ближайшее время... международной коммунистической республики». Партийные деятели рассуждали о необходимости осуществления «производственного коммунизма» и планомерного всеобщего распределения продуктов, о повсеместном и добровольном переходе крестьянства к «общественной обработке земли»¹⁴.

Все это были утопии чистой воды. Однако немалая часть населения относилась к ним с доверием. Не зря известный философ А. А. Зиновьев отмечал, что «идеология играет в коммунистическом обществе настолько значительную роль, что это общество можно рассматривать как общество идеологическое». По его мнению, важнейшую роль играла деятельность аппарата правящей партии, которому удавалось контролировать происходившие в области духовной культуры процессы, истолковывать «все происходящее в мире в духе фундаментальных принципов идеологии», «заставить граждан общества быть не только пассивными созерцателями..., а активными участниками жизненного спектакля»¹⁵.

¹⁴ Восьмой съезд РКП(б). С. 16, 17, 24, 42, 139, 230, 234.

¹⁵ Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 2008. С. 265.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru